В России лежим

Игорь Маранин

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Даже в настоящей русской Матрице случаются сбои — ведь в России лежим…

- Игорь Маранин
  - ○

Игорь Маранин
В России лежим

Савва Питерцев, пару раз моргнув, открыл глаза. Абсолютно голый, он висел в тридцати сантиметрах над полом, в пустой комнате на пятом этаже доходного дома в Нью-Кремлин-Сити. Справа было окно во всю стену, слева — серая пластиковая стена, а сверху нависал низкий тёмный экран. Потолок. Савва провел ладонями по лицу и зевнул.

— Проснулся, дорогой, вах-вах-вах… — донеслось из кухни. — Сейчас всё готово будет. Вино хочешь? Шашлык-шаурма-бастурма? Вставай, дорогой, завтракать будем, песни петь будем. Новый день пришёл.

На кухне гремел тарелками пластиковый робот-домохозяин по имени Автандил. Голова у него была керамическая, а на голове стояла большая белая кастрюля, в которой что-то пыхтело и булькало. Автандила собирали в Грузии, и по-русски он разговаривал с южным акцентом. Савва ещё раз зевнул и, нашарив рукой тумблер, отключил кровать-невидимку. Вообще-то она была вполне себе видимкой, только вне спектра человеческого зрения. Соседский кот, проникая в открытое окно, видел её прекрасно. Вы знаете, что случается с вещами, которые видят соседские коты? Эти вещи потом долго и упорно пахнут. А ещё в них заклинивает компьютерная программа спуска и

…бух! бац! трац-бабац!..

…человек падает на пол. Когда это случилось в первый раз, Савва орал так, что зловредный кот самолично заявился проверить, что творится по соседству. В карниз ударила чёрная молния, распушила хвост и обернулась котом. Он важно прошёлся туда и обратно, наблюдая круглым зелёным глазом за Саввой, затем ехидно мяукнул и исчез. Матрицы на этого кота нет! Но что поделаешь… В России лежим. Это там, во всяких Америках да Голландиях матрицы для животных строят, а у нас… По электронному потолку показывали как-то канадских роботов, пытавшихся отловить последнего гризли. Заманивали на андроидную медведицу. Но этот кобелина, счастья своего не понимая, роботов разогнал, а «медведице», когда разобрался, морду набил. И сбежал на север, до сих пор найти не могут.

…бух! бац! трац-бабац!..

Теперь у Саввы опыт падений был ого-го какой! Это в первый раз Автандил долго охал над упавшим человеком и громко ругал кота на грузинском языке. Савва грузинского не понимал, а кот — вполне. С тех пор чуть завидит робота — сразу наутёк. Но сейчас Автандил уже не обращал внимания на падения: Савва доползал до кресла-каталки самостоятельно, а пару раз даже поднимался на ноги.

Облачившись в халат, Питерцев долго выбирал расцветку, тыкая пальцем в сенсорный экран над карманом. Халат был не первой свежести и голосовых команд уже не понимал. Да и то сказать — закупали эти халаты по дешёвке во Вьетнаме, какое у них может быть качество? Нет, все-таки обидно за державу! Думали, уже всё, извели заразу коррупции, когда людей в Матрицу поместили, ан нет. Единственная страна в мире, где роботы берут взятки, — Россия.

— Отчего невесел? — забеспокоился Автандил, едва Питерцев вырулил каталку на кухню. — Отчего улыбку в клетке запер? Улыбка — вольный птах, дорогой, она летать должна. Встал — пошути. Добрая шутка и коту приятна.

При упоминании кота Савву передёрнуло.

— У тебя пластик на спине потрескался, — угрюмо сообщил он роботу.

— Как потрескался?! — испугался тот, и горячая кастрюля чуть не опрокинулась с его головы на Саввины колени.

— Я пошутил, — хмыкнул Питерцев.

— Это злая шутка! — возмутился робот. — А если бы у меня плата отказала? А если бы контакты от испуга окислились?! На, держи свой завтрак, злой и нехороший человек!

Злой и нехороший человек оживлённо подался вперёд. «В России лежим… — пронеслось в его голове. — В Америках да Голландиях давно внутривенно кормят. А у нас пока по старинке!» Поесть Савва любил, но, увидев, как робот ставит на маленький столик перед каталкой стакан с густым белым напитком и тарелку с кашей, приуныл.

— Ты обещал вино и шашлык! — обиженно проворчал он.

— А это что?

— Это кефир и каша!

— А ты их нюхал, батоно Савелий? Где кефир? Где каша? Зачем обижаешь доброго робота? Чистый горный молоко со вкусом «Киндзмараули», его у нас аксакалам дают! А это не просто каша, не-е-е. На вкус как шашлык из молодого барашка. Ты видел, дорогой, барашка, которого в молодости не съели? Он называется старый баран и у него на голове два рога растут.

Будешь привередничать — и у тебя вырастут. Ну, давай, батоно Савелий, скушай ложечку за Матрицу.

После завтрака Савве захотелось на прогулку. Второй раз за неделю. Автандил долго кудахтал над непоседливым подопечным, натянул на его располневшие ноги просторные штаны, помог надеть тёплую рубаху, пристегнул ремнём безопасности и вывез на лестничную площадку. Старый лифт с лязгом и грохотом опустил каталку с пятого этажа, и, почувствовав под собой привычное энергетическое поле, она выкатилась во двор, чуть не задавив попавшегося навстречу кота. Того самого — соседского, чёрного. Отчаянно мяукая, кот вывернулся из-под колеса и как-то совсем по-человечески проводил Савву нехорошим взглядом. Много чего было в этом взгляде, и если бы Питерцев в этот момент оглянулся, он ни за что бы стал продолжать прогулку. Но Савва не оглянулся. Он смотрел вперед, а кресло несло его по дорожке вдоль стены за угол, затем через небольшую площадку для роботомобилей и дальше — в настоящий зелёный парк. Где и столкнулось колесо к колесу с каталкой Афони из соседнего подъезда.

— Сколько лет, сколько зим! — обрадовался Афоня. — Давненько, брат, не виделись. Часто на улице бываешь?

— Раза два в неделю, — пожал плечами Савва. Сам он встрече был не так уж и рад: Афоня хоть и старый приятель, но болтун, каких свет не видывал.

— А я вот впервые за полгода… — сообщил приятель. — И то домохозяин выгнал. Положено, говорит, тебя, Афоня, на улицу отправлять по инструкции. Потому как в Законе о социальном обеспечении существ человеческого происхождения от 22 декабря 2087 года пунктом третьим идёт указание об обязательных прогулках до создания в России жилищных условий категории «Б». Ты думаешь, нам когда-нибудь эти условия создадут? На-ка, выкуси, Савва! В России лежим. Здесь все роботы — жулики и ворьё! Помяни моё слово, эти парни из «Справедливого андроида», что на выборах победили, ещё попьют нашей кровушки! Вёдрами попьют, брат. За коммунистов надо голосовать, только за коммунистов. Коммунистические роботы за людей глотку порвут. И построят нам, наконец, нормальную коммунистическую Матрицу — независимое самостоя… самолежательное государство. Как в Китае. О, кстати! Слышал последнюю новость? В Китае ребёнок родился!

— Да ну, — не поверил Савва.

— Точно тебе говорю, брат! Пятый за последние четыре года. Куда Организация Объединённых Матриц смотрит, ты мне скажи?

Население всё растёт и растёт, скоро на всех еды хватать не будет.

— Откуда ты это взял? — всё ещё не верил Савва.

— С потолка! Сегодня утром передавали. Есть такой канал, брат, «Новости мира» называется. Там завсегда интересные репортажи. Вот недавно показывали, как…

Но Савва уже не слушал приятеля. Краем глаза он уловил нечто странное: деревья на дальнем краю аллеи… шевелились! Не веря своим глазам, Питерцев зажмурился, но когда открыл их снова — видение не исчезло. По одну сторону невидимой глазу черты деревья стояли спокойно — как обычно они и стоят, а по другую — раскачивались и гнулись к земле, словно беспрестанно кланялись какому-то неизвестному древесному божеству.

— Смотри! — выдохнул он, указывая рукой на странное явление.

Афоня машинально повернул голову и заткнулся на полуслове. Но тут же азартно завопил:

— Я же говорил! — орал он. — Я же предупреждал! Это всё чинуши из «Справедливого андроида», они даже за парком уследить не могут. Разворовали Россию-матрицу, как есть всю разворовали. Но я им всем покажу! Всем покажу. Я на них в ООМ писать буду! Ну-ка едем туда, осмотримся.

И Афонина каталка рванула с места, словно гоночный роботомобиль. С замиранием сердца Савва последовал за ним. Никогда ещё он не ездил с такой бешеной скоростью — спидометр зашкаливал за пятнадцать километров в час. Через несколько мгновений они уже были у невидимой границы, но как только пересекли её…

…бух! бац! трац-бабац!..

…неведомая сила подхватила их каталки, закрутила, опрокинула, потащила…

— Ветер! — донёсся до Савелия перепуганный голос Афони. — Трубу с ветром прорвало!

Невидимая дыра в невидимой трубе (обе — вне спектра человеческого зрения) росла и росла. Получив свободу, из неё вырывался воздушный поток, круша и ломая всё на своём пути. Каталки взлетали в воздух, падали на асфальт, бились о стволы столетних деревьев и два беспомощных тела, пристегнутых ремнями безопасности, отчаянно вопили, заслоняя головы от ударов. Через минуту их вышвырнуло из парка и бросило на дно глубокого котлована, вырытого пару лет назад неизвестно для каких нужд. Последнее, что увидел Савва Питерцев, был сидящий

на ветке чёрный кот. Бушевавший ветер был коту нипочем. Он вылизывал ушибленную каталкой лапу и, как показалось Питерцеву, улыбался в усы.

…Пару раз моргнув, Савва открыл глаза. Не успел он сообразить, что лежит на земле, придавленный сверху каталкой, как вернувшееся сознание пронзила невыносимая боль: всё тело было в синяках и ушибах. Почти не соображая, что делает, он нащупал на ручке кресла электронную аптечку и с силой прижал к аптечке ладонь. Тут же мягкую кожу проткнуло десятком иголок, и через пару минут боль стала уходить, отступать под действием лекарств.

— Эй, — позвал Савва. — Афоня! Ты жив?

Невдалеке прозвучал слабый стон.

— Сейчас я со спасателями свяжусь! — пообещал Савва.

— Бесполезно, брат, — голос Афони был совсем слабым. — Связи нет.

Савва отстегнул ремни, перевернулся на спину и попробовал сдвинуть каталку. Но та оказалась слишком тяжёлой. Тогда, извиваясь всем телом, он выбрался ползком и, приподнявшись на локте, огляделся. На дне котлована было тихо, ветер бушевал где-то наверху. Неподалёку, неестественно раскинув руки, лежал на спине Афоня. Вероятно, он успел отстегнуться ещё до падения: его каталка валялась в стороне. За ней, метрах в сорока начинался пологий склон для спуска роботомашин, а чуть левее виднелась неподвижная крона высокого дерева. С той стороны котлована не было ветра!

— Афоня, — позвал Питерцев. — Мы спасены, Афоня! Мы сейчас выползем по склону.

Ответа не последовало.

— Афоня!

— Рука, — едва слышно отозвался приятель. — Рука сломана. И нога, кажется… Хотя ног я никогда чувствовал, просто лежит странно. Выбирайся без меня, брат.

— Я без тебя не поползу! — решительно заявил Савва и добавил. — Брат…

Отталкиваясь локтями от земли, он двинулся к Афоне, прислушиваясь к его стонам и невнятному бормотанию. Ползти по земле было непривычно и тяжело. Приходилось постоянно останавливаться, переводить дыхание и собираться с новыми силами для очередного рывка.

— Не дожить мне до светлого будущего, — отчетливо донеслось до Саввы. — Ты молодой, ты доживёшь. Сколько тебе? Пятьдесят четыре? Доживёшь… В будущем тепло и уютно. Не

нужно выходить на улицу. Даже вставать с кровати не нужно. Это будет настоящая русская матрица.

— Афоня, — жалобно спросил Савва. — Ты бредишь?

— У нас в России две беды, брат. Дураки-роботы и дороги. Как только дорог и дураков не станет, так и наступит России полная матрица. Независимой самолежательной державой станем. Живи и наслаждайся…

Савва, наконец, дополз до своего спутника и тронул его за плечо.

— Оставь меня, брат… — прошептал тот. — Выбирайся сам.

Что-то странное в этот момент приключилось с Саввой: из его глаз потекла вода. На вкус она была солёной, а где-то внутри сжалось и никак не хотело разжиматься сердце. Он лежал рядом со своим другом и плечи его дрожали. Словно кто-то невидимый — вне спектра человеческого зрения — тряс за них. Наконец, этот странный припадок прошёл, и, утёршись грязным рукавом рубахи, Савва попытался подцепить приятеля под мышки и тащить за собой. Ничего не выходило: ползти с таким грузом было неудобно. За десять минут они продвинулись едва ли на два метра.

— Оставь меня, брат… — едва слышно прошептал Афоня. — Больно мне. Я хочу умереть.

— Врё-ё-ё-ёшь! — выкрикнул Савва. Рывком он поднялся на ноги, подхватил товарища и, сделав несколько неуверенных шагов, рухнул на землю, больно ударившись затылком. Но тут же встал на четвереньки, помотал головой и снова поднялся на ноги.

— Врё-ё-ё-ёшь! — что есть силы заорал он.

Так он и тащил Афоню до самого склона: падая, поднимаясь и выкрикивая одно и тоже слово. Каждый шаг давался неимоверным усилием. Каждое падение добавляло новый ушиб. Проснувшаяся боль вернула ему десяток лечебных иголок сотней острых жал. Она мстила за своё отступление. Она мстила и знала, что сильнее этого беспомощного комка живой плоти. Ещё мгновение… ещё минута… ещё десять минут, и он сдастся. Но комок не сдавался. Он орал и волок за собой чужое тело. Он вопил, вставая снова и снова. И лишь, когда добрался до склона котлована, понял, что не осилит подъем. Боль победила. Распластавшийся на земле человечек снова рыдал, но теперь не от жалости, а от бессилия. Ещё мгновение и…

— Врё-ё-ё-ёшь! — охрипшим от крика голосом выдавил Савва, поднимаясь на ноги. Шатаясь из стороны в сторону, он приподнял потерявшего сознание Афоню и рывком потащил его в гору. Кто-то невидимый — вне спектра человеческого зрения — тот самый, что тряс недавно его за плечи, вдруг поддержал, помог

устоять на ногах. Неведомая сила влилась в слабое тельце Саввы, укрепила руки и ноги, спрямила, укатала дорогу под ними…

Они рухнули прямо на дорогу. Далеко внизу остался глубокий котлован высотою в двадцать метров. Они выбрались — непонятно как, но выбрались. Савва закрыл глаза, но тут же открыл их: ему послышался странный шум. И тут из-за деревьев выскочил большой чёрный кот — тот самый, соседский. На миг он замер, разглядывая лежащих на дороге людей, затем фыркнул и побежал дальше.

— Стой, сын скотины! — раздался знакомый голос. — Стой, говорю. Я тебе покажу, как на кровать гадить. На шашлык пойдёшь! На шаурма-бастурма!

И вслед за котом на дорогу выскочил… робот Автандил. Резко затормозил, увидев на земле измазанного грязью подопечного, и на целое мгновение застыл неподвижным пластиковым столбом у края асфальта.

— Что случилось, батоно Савелий?!!

— В России лежим… — слабым голосом откликнулся Савва. — Но когда нужно, встаем на ноги, Автандил… когда действительно нужно…

Что-то тёплое коснулось его руки и, скосив глаза, Питерцев увидел большого чёрного кота, усевшегося рядом.

— Мяя-я-яу! — громко заявил кот, подтверждая слова Саввы.